

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Добаев И.П.*
МИГРАЦИИ И ПРОБЛЕМА АНКЛАВИЗАЦИИ
ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛАХ МУСУЛЬМАНСКИХ РЕСПУБЛИК
КАВКАЗА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ)

DOI: 10.31249/rimm/2024.01.01

Для цитирования: Добаев И.П. Миграции и проблема анклавизации территорий Российской Федерации (на материалах мусульманских республик Кавказа и Центральной Азии) // Россия и мусульманский мир: научно-информационный журнал. 2024. № 1 (331). DOI: 10.31249/rimm/2024.01.01

Аннотация. В статье отмечается, что в постсоветский период в «мусульманских» республиках Кавказа и Центральной Азии была отчасти реанимирована кланово-клиентельная структура местных обществ. На фоне социально-экономических деформаций, колоссального имущественно-политического расслоения и одновременно демографического роста этих республик стали прогрессировать миграционные процессы, в большей степени на территорию субъектов Российской Федерации. Их результатом стало появление и укрепление так называемых «мигрантских анклавов», а на их основе – рост криминальных проявлений. Такие процессы продуцируют появление самых разнообразных опасностей для национальной безопасности России. Ситуация требует разработки и реализации комплексной системы противодействия нелегальной миграции и недопущения образования и функционирования на территории нашей страны чужеродных анклавов.

* Добаев И., доктор философских наук, эксперт РАН, профессор, руководитель Центра региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, e-mail: ipdobaev@sfsedu.ru

Ключевые слова: анклав; демография; Кавказ; клан; миграции; племя; род; Центральная Азия; этноэтатизм.

Системный кризис идентичности на постсоветском пространстве в 90-е годы XX века актуализировал этническую идентичность, что наиболее отчетливо проявилось в Центральной Азии и на Кавказе (Северном и Южном). Как следствие, в рамках национально-территориального устройства произошедший процесс этнической мобилизации приобрел форму государственно-правовой институционализации (этноэтатизм), регенерирующей традиционные социальные структуры местных обществ.

Как известно, традиционная социальная система многих обществ в странах с преимущественно мусульманским населением (Ближний и Средний Восток и др.), в том числе на постсоветском пространстве (Центральная Азия, некоторые кавказские республики), носит племенной характер. Например, в Мекке проживают представители племени курейш, одним из составляющих которого является род Пророка Мохаммада – хашим. Государствообразующий народ Афганистана – пуштуны – состоят из трех союзных объединений племен (дуррани, гильзаи, карани). В свою очередь, каждое племя (кабия) включает в свой состав ряд родов (кауи), каждый из которых базируется на так называемых «больших семьях» (хейль). У других афганских народов племенная система, хотя и не так явно выражена, но все же существует¹.

В суверенных государствах Центральной Азии также существует племенное деление обществ. Так, в Казахстане до сих пор выделяют жузы (старший, средний и младший), входящие в их состав племена и рода. Однако следует иметь в виду, что аналогичные традиционные социальные системы существуют и в других центральноазиатских странах². Советская модернизация так и не смогла решить вопрос по слову архаичной системы местных сообществ. Так, например, в ходе следствия по «хлопковому делу», сотрясавшему советский Узбекистан в 80-х годах XX в., было установлено, что в этой республике реально были сохранены и работали те элементы социальной системы, которые были характерны

¹ Добаев И.П. Внутриполитическая и этноконфессиональная ситуация в Афганистане в преддверии ввода советских войск (27.12.1979) // Россия и мусульманский мир. 2022. № 3 (325). С. 32–39.

² Добаев И.П. Центральная Азия в перекрестье геополитических напряжений // Россия и мусульманский мир. 2023. № 4 (330). С. 37–49.

для региона еще до вхождения его в состав Российской империи. Нечто подобное отмечается и в некоторых государствах Южного Кавказа, например, в Азербайджане, а также в национальных республиках Северного Кавказа.

При всем различии северокавказских республик их социально-политическая система базируется на традиционности местных обществ. В качестве же важнейшего элемента функционирования регионального традиционного общества лежит коллективная солидарность людей, основанная на системе социальных институтов общественного регулирования (семья, род, община, традиции, мораль, обычное право, общественное мнение) и социальных практиках, включающих, в том числе, и кровную месть.

Северокавказские общности представляют собой фратриальные объединения (у дагестанцев – джамааты, у чеченцев – тукхумы и тейпы, у карачаевцев и балкарцев – «большие фамилии», у адыгов – «братства»), все они восходят к адатной культуре и до сих пор оказывают определенное влияние на региональные политические процессы. В частности, авторитетный отечественный этноконфликтолог В.А. Авксентьев справедливо отмечает, что «такие структуры, как советы родов (тейпов, тукхумов и т.д.), старейшин, религиозные братства (тарикаты) действуют на основании норм права эпохи «военной демократии», т.е. более чем тысячелетней давности. Можно уверенно говорить, что нарушения прав человека в регионе, совершаемые традиционными социальными институтами, сопоставимы по своим масштабам с нарушениями, ответственность за которые ложится на государство. Подобная система права исходит из неполноправности всех “чужаков”, т.е. представителей других народов...»¹.

Как известно, сложившаяся в основных чертах в середине 1990-х годов система управления в постсоветских национальных республиках имеет отчетливо выраженный клановый характер, что не могло не вызвать массу публикаций на эту тему. Действительно, проблема этноэтатизма и неотделимых от него этнократий в указанных регионах с рубежа 80–90-х годов прошлого века привлекает пристальное внимание ученых, хотя и в меньшей степени,

¹ Авксентьев В.А. Затяжной этнополитический кризис на Юге России как системная угроза региональной безопасности // Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа. Ростов н/Дону, 2008. С. 63.

чем заслуживают эти социально-политические феномены¹. Вместе с тем, этноэтатизм, как идеология конструирования этнических государств и этнизации властных структур, в конце 80-х гг. XX в. фактически возобладал на всем постсоветском пространстве. В условиях тотального и системного кризиса советской политической, экономической и социокультурной системы идеология этноэтатизма получила социальную базу на основе развернувшейся этнической мобилизации. После выжидательной паузы этноэтатизм был взят на вооружение не только оппозиционными этнонациональными движениями, но и прежней партийно-номенклатурной элитой ныне суверенных республик.

При этом, как полагают некоторые эксперты, этнократическую «систему нельзя одномоментно сломать... этнократии и этнокланы можно трансформировать постепенно, регулируя процесс как тактически, так и стратегически... механизмы воспроизводства этноэлит должны быть наполнены модернизационным содержанием... решить проблему невозможно без изменений социально-экономической реальности, выработки идеологической определенности и формирования новой политической культуры»².

Как следствие усиления этноэтатизма, на местах не работают социальные лифты, большинство населения, особенно из числа молодежи, не имеет значимых жизненных перспектив, что позволяет радикально ориентированным активистам достаточно успешно распространять в этой среде чуждые российской государственности идеи, замешенные, в том числе, на религиозной почве.

Хотя исторически и фиксируется постепенное разложение традиционных общественных институтов восточного типа, но этот процесс происходит неравномерно в разных регионах и, безусловно, до конца не завершен. Как следствие, этнический фактор занимает на мусульманском Востоке важное место. В переломные моменты истории он нередко политизируется, как это фиксируется практически с начала XX в. Одной из значимых тенденций в начале нового тысячелетия является то, что происходит реполитизация

¹ См. об этом: *Гаркуша Е.В.* Этнократические региональные элиты // Элитологические исследования. Ежегодник-2005. Ростов н/Дону, 2006; *Тощенко Ж.Т.* Этнократия. М., 2003; *Тхагансоев Х.Г.* Этноэтатизм как инобытие российского федерализма // Научная мысль Кавказа. 2002. № 2 и др.

² *Черноус В.В.* Этноэтатизм и этнократии: на пути к региональной идеологии и региональным элитам на Юге России // Этноэтатизм и этнократии на Юге России / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 37. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. С. 7.

этничности. Очередное резкое обострение палестино-израильского конфликта, вовлечение в него глобальных и региональных политических игроков явное тому подтверждение.

Практически во всех отмеченных выше странах и регионах сложились авторитарные и неопатримониальные режимы, которые, как известно, весьма нестабильны и неустойчивы. Сохранившаяся традиционная социальная система местных обществ, в основе которой лежат роды, племена и племенные союзы, не в состоянии предопределить поступательную модернизацию этих государств.

Вместе с тем на основе традиционной социальной системы мусульманских обществ формируются административно-управленческие аппараты, влиятельные политические партии и общественные организации. В первые постсоветские годы они, за редким исключением, были представлены выходцами из советско-перестроечной номенклатуры КПСС и хозяйственной номенклатуры второго эшелона. В последующие годы некоторые лидеры сохранили свои властные позиции (например, в Таджикистане), в других преемниками стали их дети (Азербайджан, Туркменистан), в ряде стран на ведущие позиции вышли представители других влиятельных кланов (Казахстан, Киргизия, Узбекистан).

Подчеркнем, что практически все властные структуры этих государств формировались и до сих пор формируются по непотистскому (т.е. по отношениям родства и свойства) и трайбалистскому (т.е. этническому и / или земляческому) признакам и представляют собой кланово-клиентельные образования. Клан несет коллективную ответственность за действия своего выдвиженца, а тот, в свою очередь, обеспечивает интересы своего клана. «Человек со стороны» может быть включен в сферу такого рода сообществ только в рамках отношений «клиент – патрон», т.е., не претендуя на первые роли в сообществе, но оказывая услуги клану в обмен на покровительство.

Вместе с тем за все прошедшие 33 постсоветских года ни одна из республик Центральной Азии (в меньшей степени Казахстан, в большей – Киргизстан и Таджикистан) не смогла построить общества высокого достатка, несмотря на то что регион являет собой несметную кладовую природных богатств: здесь огромные залежи нефти (Казахстан), газа (Казахстан и Туркменистан), золота, меди, урана, всего более 100 видов минерального сырья. Однако в силу наличия ряда конфликтогенных факторов, обусловленных в том числе клановым характером местных обществ, а также историческим прошлым, говорить об устойчивом развитии экономики

можно лишь с большой долей осторожности. Следствием такого рода конфликтогенных характеристик становится «хрупкость» государств региона, нестабильность их развития, высокие риски безопасности. Главенствующим фактором во внешней политике этих государств стала многовекторность внешнеполитических и внешнеэкономических связей. Однако такого рода многовекторность, особенно в отношении коллективного Запада, крайне опасна. В регионе орудуют тысячи западных и прозападных НПО и НКО, специализирующихся на подготовке и проведении «цветных революций»¹. Существенными оказались позиции Запада и в экономике стран региона. Так, в Казахстане до 70% активов в нефтяной отрасли контролируются западными «партнерами». Как следствие, проживающие здесь представители младшего казахского жуза оказались в бедственном социально-экономическом положении². Ситуацию могла бы улучшить экономическая и политическая интеграция стран региона. Однако движение в этом направлении затрудняется из-за отсутствия ключевого государства в Центральной Азии и наличия серьезных межгосударственных противоречий.

Преимущественно сырьевой характер экономики стран Центрально-Азиатского региона, стагнация промышленного производства не позволяют обеспечить достойный уровень жизни населения. Более того, вся экономика практически поделена между небольшим количеством влиятельных кланов. Аналогичное можно сказать и об Азербайджане, в котором существуют как бы два разных государства – обеспеченный Баку и бедные другие территории, особенно сельские, где явно недостает рабочих мест.

Что касается республик Северного Кавказа, большинство из них являются дотационными, а интересы административно-управленческих аппаратов связаны с сохранением существующего положения, когда сам аппарат, с одной стороны, добывается значительной самостоятельности и независимости от федерального центра, а с другой – сохраняет финансовую, а порой и политическую поддержку со стороны Кремля. Такая ситуация хотя посте-

¹ Добаев И.П. «Цветные революции» в геополитических трансформациях на постсоветском пространстве // Россия и мусульманский мир. 2023. № 1 (327). С. 9–18.

² Добаев И.П. Центральная Азия в перекрестье геополитических напряжений // Центральная Азия в системе геополитических координат / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 103. Ростов-на-Дону – Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2023. С. 11.

пенно и исправляется, но медленно и не всегда поступательно и целенаправленно¹.

В советский период времени модернизационные процессы на Кавказе и в Центральной Азии, особенно в области индустриализации, завершены не были, что объясняется региональной спецификой (архаичные хозяйственные уклады, социальные институты, структуры и т.д.). Введение в регионе в 90-х годов рыночных правил игры, открытие его хозяйства для глобальных рынков сырья, продукции, рабочей силы фактически разрушили многие достижения советской эпохи. Последствия произошедшего оказались катастрофическими. Достаточно сказать, например, что при общероссийском сокращении промышленного производства во второй половине 90-х годов XX в. до 48–49% (от уровня 1990 г.) данный показатель в большинстве постсоветских республик Кавказа и Центральной Азии оказался только на отметке 17–24%². В связи с этим специалисты говорили о системной деиндустриализации большинства не только северокавказских республик, но и некоторых ныне суверенных государств. Отмечается также, что самое существенное влияние на масштабы деиндустриализации оказал процесс их комплексной этнизации. Сменившая советский директорский корпус, состоявший в основном из опытных хозяйственников – преимущественно из числа русских, «титовская» генерация хозяйственников в своей массе не имела ни профильного образования, ни опыта управления промышленными предприятиями, ни желания (умения) вернуть взятые под контроль производства к жизни в новых экономических условиях.

В том числе и по этой причине резко упал уровень образования, здравоохранения, культуры, других социальных сфер жизнедеятельности населения. Социально-экономическая ситуация усугубляется не только традиционной для рассматриваемых регионов клановостью, но и масштабной коррупцией. Понятно, что все это создает питательную среду для криминала и экстремистских группировок.

На фоне политических разногласий и экономических проблем в постсоветский период в указанных регионах, особенно в Центральной Азии, отмечался ускоренный демографический рост

¹ Добаев И.П. Геополитические трансформации в кавказском регионе в постсоветский период // Россия и мусульманский мир. 2010. № 1. С. 42–55.

² Суцций С.Я. Северный Кавказ: реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. М., 2013. С. 127.

титulyных этнических групп при одновременном сокращении доли русского и русскоязычного населения, падения влияния русской культуры. В результате, по некоторым данным, к 2050 г. при сохранении нынешних тенденций местные элиты уже не будут говорить на русском языке, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Серьезное омоложение коренного населения сопровождается ростом этнического и религиозно-политического экстремизма. Речь идет, прежде всего, о расширении идеологии и практики пантюркизма и радикального исламизма¹.

Подчеркнем, что в постсоветскую эпоху Россия вступила в период устойчивой и продолжительной депопуляции, что было в значительной степени связано с изменением основных характеристик воспроизводства населения. Такая трансформация проявляется в снижении рождаемости, распространении одно- и двухдетной семей, росте заболеваемости и смертности в трудоспособном возрасте, сокращении ожидаемой продолжительности жизни, изменении миграционной подвижности населения, кризисе современной семьи и т.д.²

Одновременно подчеркнем, что депопуляция населения была знаковой чертой российской действительности в 90-х годах XX в., однако уже в новом тысячелетии принятые руководством страны меры привели к позитивному результату – росту рождаемости, сокращению смертности, некоторому повышению средней продолжительности жизни. Они подстегнули репродуктивную активность, прежде всего, у населения северокавказских республик, традиционно рассматривающих демографическую динамику в качестве одного из центральных приоритетов своего развития. Действительно, Северный Кавказ в меньшей степени, нежели другие регионы России, ощутил процесс депопуляции, хотя в этот период существенно упала рождаемость и у местных народов. По оценкам специалистов, «к 2000 г. началась естественная убыль населения в Адыгее, Карачаево-Черкесии и Северной Осетии-Алании. К нулевой отметке (простое воспроизводство) опустились демографические показатели Кабардино-Балкарии. Повышенный коэффициент естественного воспроизводства сохранялся только на востоке

¹ *Добаев И.П.* Этноконфессиональный фактор в геополитике России и стран Черноморско-Каспийского региона // *Россия и мусульманский мир*. 2022. № 4 (326). С. 9–23.

² *Белозеров В.С.* Демографическая и миграционная безопасность России на Северном Кавказе // *Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа*. Ростов н/Дону, 2008. С. 99, 104.

региона. Но и здесь он существенно уступал уровню 70–80-х годов XX в. Только Чеченская Республика (представленная уже почти исключительно титульным этносом) удержала свою позицию – показатели естественного движения населения остались практически на уровне 1990 г.»¹. Однако недостаточный рынок труда в Северокавказском регионе России приводит в действие миграционные процессы: с горных районов – в предгорные и равнинные, а оттуда – в другие регионы России.

Как подчеркивают специалисты, миграционным процессам способствует аграрно-полунатуральный тип хозяйства в качестве господствующего, скрепленный традиционными семейно-родовыми, кланово-корпоративными, этноориентированными отношениями, который воспроизвел присущий ему тип занятости – аграрное перенаселение, характерное для эпохи раннего капитализма, эпохи первоначального накопления капитала, первого этапа индустриализации с сопутствующей ему застойной безработицей, отходничеством, низким уровнем жизни, замкнутостью хозяйств, неразвитостью коммуникаций. «Не признав это, – пишет авторитетный южнороссийский экономист Ю.С. Колесников, – невозможно объяснить аграрного перенаселения из республик вымывается наиболее образованная и квалифицированная часть населения (отрицательное сальдо миграции характерно для Дагестана, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии), лишая регион главного ресурса модернизации – молодых инноваторов». Развитие рекреационного комплекса, туризма, этноэкономики и энергетики, нашедшее отражение в «Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2025 года», не способно радикально изменить проблему занятости в северокавказских республиках. Тем более оно не решает одну из важнейших проблем региона – восстановление полнокровной полиэтничности республик, в частности реэмиграцию русского населения, без чего переход к инновационному развитию является проблематичным².

Как известно, в постсоветский период в связи с тотальной демодернизацией, военными и террористическими действиями,

¹ Суций С.Я. Северный Кавказ: реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. М., 2013. С. 16.

² Колесников Ю.С. Какая «Стратегия» нужна Северному Кавказу (взгляд из провинции) // Южно-Российский Форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2010. № 1. С. 24..

самыми разнообразными конфликтами, в том числе и бытовыми, фиксируется массовый исход из Центральной Азии и Кавказа значительной части русского населения¹. В целом, согласно экспертным оценкам, изучение «динамики численности русских на Северном Кавказе в последние 40–50 лет приводит к выводу, что почти двухвековой процесс этнокультурной интеграции данного региона в состав России через укоренение в нем русского (и шире – русскоязычного) населения, в целом потерпел неудачу»². Тенденция сокращения численности русского населения в регионе в позднесоветский период была уже достаточно устойчивой, однако после крушения советского государства она увеличилась в разы. Практически полностью русских лишились Чечня и Ингушетия, превратившиеся практически в моноэтнические субъекты. Однако и в других республиках численность русских существенно снизилась.

Эксперты полагают, что «федеральный центр не в состоянии предпринять целенаправленных и масштабных (т.е. эффективных) усилий по решению “русского вопроса”, и шире – системной модернизации Северного Кавказа. А значит, процесс оттока русских из регионов будет и дальше идти в режиме саморегуляции»³. Без комплексной целенаправленной программы по решению «русского вопроса» на Кавказе и в Центральной Азии сценарий продолжения полного исхода русских из региона к середине XXI в. представляется практически неизбежным.

Итак, именно социально-экономические проблемы, демографический рост населения в рассматриваемых регионах неуклонно ведут к мощным миграционным процессам, в первую очередь, в Россию, что стало причиной появления и укрепления этнических анклавов в наиболее развитых регионах РФ. Тем не менее следует отметить, что средняя плотность населения, скажем, Центрально-Азиатского региона не так уж велика. Здесь на территории порядка 4 млн кв. км численность населения составляет немногим более 70 млн человек. Для сравнения: в Турции с площадью около 780 тыс. кв. км численность населения превышает 80 млн человек, примерно столько же в Иране с площадью немногим более 1 млн 600 тыс. кв. км. Отсюда следует, что мощные ми-

¹ См., например, об этом: Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века. Издание 2-е дополненное / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 10 / Отв. ред. Черноус В.В. Ростов н/Дону, 2002.

² *Суций С.Я.* Указ. соч. С. 32.

³ Там же. С. 53.

грационные потоки титульного населения государств Центральной Азии связаны не с переизбытком населения, а с их бедственным экономическим положением в результате деградации экономики, прежде всего, промышленного производства, отсутствия достаточного количества рабочих мест.

По имеющимся данным, общее количество внешних мигрантов в России превышает 10 млн человек. Наибольшее их число – граждане Таджикистана, Узбекистана и Киргизии. Прибывают трудовые мигранты и из Казахстана, но их относительно немного. Практически отсутствует трудовая миграция из Туркменистана, но это объясняется предпочтительным для туркмен выездом в Турцию в связи с упрощенным визовым режимом, языковой близостью и этноконфессиональным родством.

Миграционные процессы титульного населения Кавказа и Центральной Азии в Россию ведут к этнической анклавизации ряда российских регионов. При этом под этническими анклавами мы понимаем любые компактные сообщества этнической группы внутри территории, на которой исторически проживают представители другого народа. Такие территории имеют отличные от окружающего социума языковые, культурные и экономические системы. Частным случаем этнических выступают мигрантские анклавы. Их локализация приводит к снижению мотивации иностранных мигрантов к интеграции в местные сообщества, насаждению собственной этнокультуры в общество принимающей стороны, отторжению ценностей местного сообщества, возникновению конфликтов на национальной и религиозной почве.

Впрочем, появление этноконфессиональных анклавов может быть и не связано напрямую с внешней миграцией. Например, к 1996 г. на территории Дагестана (а также и Чечни) были созданы своего рода территориальные плацдармы со сформированной инфраструктурой, обеспечивающей его культурную, идеологическую и даже политическую экспансию – так называемые «ваххабитские анклавы» (самый известный – «Кадарская зона», включавший в себя даргинские села Кадар, Карамахи и Чабанмахи Буйнакского района Дагестана). Спецификой этих анклавов являлось то, что они содержались на «спонсорские деньги», поступавшие из-за рубежа, изначально являвшиеся средствами геополитической экспансии со стороны мусульманского мира. Реализация отработанной «ваххабитами» доктрины, как представляется, предполагалась к осуществлению в два этапа: на первом должны были сформированы «анклавные» образования на территории всех республик Северного Кавказа, а на

втором планировалось развернуть деятельность по политическому объединению «анклавов» в единое фундаменталистское государство «от моря – до моря»¹. В результате событий августа-сентября 1999 г. этим планам не суждено было сбыться.

Однако в рамках настоящей статьи мы выделяем, в основном, внешнюю миграцию, в результате которой в некоторых российских мегаполисах, а также в регионах нефте- и газодобычи появились и укрепились мигрантские анклавы. Впрочем, такие «анклавы» уже давно сложились в США (например, «чайна-тауны»)², а также в некоторых европейских государствах, скажем, во Франции, а потому их опыт может оказаться полезным и для России³. Подчеркнем, что ни германское «гастарбайтерство», ни французский ассимиляционный проект, ни британская концепция мультикультурализма не смогли стать панацеей, препятствующей созданию мигрантами, преимущественно мусульманами, своих анклавов, интегрировать их в свои сообщества. Европейские реалии свидетельствуют о том, что этнически и религиозно однородные общины мигрантов активно и достаточно успешно формируют «анклавную» среду обитания, которая тяготеет к тому, чтобы локализоваться в соответствующих территориальных границах, а центром их сосредоточения, как правило, выступают мечети или молельные помещения. Одновременно последствиями появления подобных «анклавов» становятся криминализация и религиозно-политическая радикализация некоторой части мигрантов, что неизбежно приводит к появлению латентных очагов социально-политической конфликтности в достаточно продолжительной перспективе, к их неизбежной конфронтации с местным населением. По нашему мнению, говорить в данном случае о толерантном «евроисламе» не приходится, скорее, речь идет об исламизации Европы, причем в самых опасных формах. События нового тысячелетия в Испании, Великобритании, Франции и других европейских странах рельефно подтверждают этот тезис. Как следствие, в последние годы европейские политики в унисон заговорили о провале имеющихся адаптационных практик по интеграции

¹ *Добаев И.П.* Традиционализм и радикализм в современном исламе на Северном Кавказе // Ислам и политика на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001. С. 23.

² *Добаев И.П.* Исламские экстремистские группировки в США // Россия и мусульманский мир. 2007. № 5. С. 112–119.

³ *Добаев И.П.* Исламизация Европы: миф или реальная угроза? // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 4. С. 50–56.

мигрантов в Европе, о несовместимости исламизма и западно-либеральных ценностей. Тем не менее миграционный поток в европейские страны, особенно в результате «арабской весны», только усилился, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Аналогичные «анклавы» появились и в российских городах, и результаты этого не замедлили проявиться. Огромные потоки мигрантов стали причиной резкого ухудшения криминогенной ситуации, обусловили резкий рост уголовной преступности, связанный с кражами, разбойными нападениями, наркотрафиком и т.п. Одновременно фиксируется рост коррупционных деяний в российских структурах, ответственных за миграцию. Совершенно очевидно, что этнические анклавы усложняют адаптацию мигрантов в российском обществе, вызывают негативную реакцию населения России. Как следствие, федеральные власти предпринимают некоторые меры по блокированию негативных последствий слабо контролируемых миграционных процессов, особенно нелегальной миграции. Отдельные регионы реализуют собственные программы в этом направлении. Однако жизнь настоятельно требует разработки и неукоснительного соблюдения комплексной общероссийской программы, направленной на упорядочение миграционных процессов и недопущение создания и укрепления мигрантских анклавов на территории России.

Статья поступила в редакцию 10.01.2024.

Принята к публикации 25.01.2024.

Dobaev I. P.

**Migration and the Problem of Enclavement
of the Territories of the Russian Federation
(Based on Materials from the Moslem Republics
of the Caucasus and Central Asia)**

Igor P. Dobaev,

DSc(Philosophy), Professor,
Expert of Russian Academy of Sciences,
Director of Center of Regional Studies,
Institute of Sociology and Religion,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: ipdobaev@sfedu.ru

Abstract. *The article notes that in the post-Soviet period in the “Moslem” republics of the Caucasus and Central Asia, the clan-client structure of local societies was partially revived. Against the background of socio-economic deformations, colossal property-political stratification and, at the same time, demographic growth of the population of these republics, migration processes began to progress, mostly to the territory of the constituent entities of the Russian Federation. The result was the emergence and strengthening of the so-called “migrant enclaves”, and on their basis – an increase in criminal manifestations. Such processes produce the growth of a wide variety of dangers to Russia’s national security. The situation requires the development and implementation of a comprehensive system to combat illegal migration and prevent the formation and functioning of alien enclaves on the territory of our country.*

Keywords: *enclave; demography; Caucasus, clan; migration; tribe; kin; Central Asia; ethnostatism.*